

Эбзеев Борис Сафарович

Может, кому-то покажется странным «соединение» в одном тексте столь разноплановых по жанру и назначению материалов – представления и рецензии. Мне же это представляется вполне естественным. Хочется, чтобы известные ученые, знаменитые преподаватели-дидакты не оставались для студентов и всех заинтересованных читателей тускло мерцающими золотом корешками переплетов, не выглядели фигурами, замкнутыми между датами рождения и смерти.

Важно, чтобы через строки написанных ими работ зримо «проявлялись» личности, которые бились над каждым словом, стремясь сделать его живой действительной силой, люди, которые ошибались и преодолевали ошибки, люди, которые имели обычные человеческие слабости.

Именно поэтому я, в качестве главного редактора журнала «Юридическая техника», хотел бы высказать некоторые соображения о новом крупном монографическом исследовании Б.С. Эбзеева «Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации»¹, во-первых – в связи с представлением автора. Однако о книге речь пойдет позже.

Надо знать Бориса Сафаровича Эбзеева, чтобы осознать масштабность проделанной научной работы, понять и принять его гражданскую смелость, почувствовать боль человека, не мыслящего своей судьбы в отрыве от России. Остается сожалеть, что издание не содержит никакой информации об авторе, отсутствует его фотография. Уверен, что традиционный ныне раздел книги – кратко об авторе – не появился по настоянию Б.С. Эбзеева, который всегда отличался редкой скромностью, деликатностью.

Мне довелось учиться с Борисом Сафаровичем на одном курсе в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского. Дружили

тогда, поддерживаем добрые товарищеские отношения и поныне. Поэтому считаю не только возможным, но и необходимым откликнуться на эту книгу не в форме сухой, академической рецензии, а путем рассуждений о содержании и форме книги, о незаурядной личности автора, его творческом пути в конституционно-правовой науке.

Б.С. Эбзеев родился 25 февраля 1950 г. в Киргизской ССР в семье ссыльнопоселенцев. Шести лет пошел в школу. С 1957 г. семья проживала в Карачаево-Черкесской автономной области (позднее – республике). По окончании в 1966 г. средней школы № 3 г. Карачаевска два года работал плотником-бетонщиком в строительной организации (в это время трудовой стаж не менее двух лет по рабочей специальности был непременным условием для допуска к вступительным экзаменам в юридический вуз). С 1968 г. – студент Саратовского юридического института (ныне Саратовская государственная академия права). Был удостоен высшей в тот период стипендии им. В.И. Ленина. Делегат первого Всесоюзного слета студентов (октябрь 1971 г.). Тогда же награжден медалью «За доблестный труд». С отличием окончив институт в 1972 г., в том же году поступил в аспирантуру, обучение в которой завершил досрочно и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В 1975–1976 гг. проходил службу в специальных моторизованных частях милиции. Занесен в Книгу почета МВД СССР.

С 1977 г. Б.С. Эбзеев вновь работает в Саратовском юридическом институте преподавателем, старшим преподавателем (одновременно – секретарь комитета ВЛКСМ института на правах райкома), доцентом кафедры конституционного права. В 1988 г. завершил работу над докторской диссертацией, посвященной конституционным проблемам прав и обязанностей человека и гражданина, ему было присвоено ученое звание профессора.

В октябре 1991 г. Съездом народных депутатов РСФСР Б.С. Эбзеев избран судьей Конституционного Суда РФ. Практическую

деятельность сочетает с научной и педагогической, является заведующим кафедрой конституционного права одного из высших учебных заведений г. Москвы, руководит подготовкой кандидатских и докторских диссертаций, внося тем самым весомый вклад в подготовку научных и педагогических кадров, состоит в редколлегиях журналов «Государство и право» и «Россия и ее субъекты: право и политика», является членом диссертационного совета МГИМО(У) МИД России, эксперт ВАК России.

Б.С. Эбзеев в 1993 г. принимал активное участие в работе Конституционного совещания РФ и Комиссии по доработке проекта Конституции РФ. Он автор ряда законопроектов, в том числе разработанного учеными Саратовской академии права проекта Конституции РФ (1991), удостоенного По четной грамоты Председателя Верховного Совета РСФСР и премии Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР, Конституции Карачаево-Черкесской Республики (1991), Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (1993) и др.

Широкую известность Б.С. Эбзеев снискал как ученый, творчески, в тесной связи с современностью исследующий крупные актуальные проблемы власти, суверенитета, свободы и прав человека.

В трудах Б.С. Эбзеева последовательно преодолеваются укоренившиеся в предшествующие этапы развития отечественной юриспруденции теории, определявшие государство через право, а право – через государство и ведущие в конечном счете к тому, что сама юриспруденция становится «служанкой» политики, а личность остается бесправной по отношению к всесильному государству. Признание в науке также получили его труды по вопросам отечественного федерализма, конституционного правосудия. По этой проблематике им опубликовано более 250 работ.

Перу Б. С. Эбзеева принадлежит около 30 крупных монографий, учебников, научно-практических комментариев (в том числе подготовленных в соавторстве), посвященных важнейшим

теоретическим и практическим проблемам государственного права: «Конституционные основы свободы личности советских граждан» (Саратов, 1982), «Советское государство и права человека» (Саратов, 1986), «Конституция. Демократия. Права человека» (М., 1992), «Научно-практический комментарий к Федеральному конституционному закону “О Конституционном Суде Российской Федерации”» (М., 1995), «Теория государства и права: Курс лекций» (Саратов, 1995), «Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд» (М., 1996), «Теория государства и права: Курс лекций» (изд. 2-е, доп., М., 1997), «Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации» (М., 1997), «Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации» (изд. 2-е., доп., М., 2000), «Конституционное право: Учебник» (М., 1999), «Теория права и государства» (М., 2002), «Российский федерализм: от Федеративного до говора до наших дней» (М., 2002) и др.

В 2000–2002 гг. под руководством Б.С. Эбзеева и под его редакцией подготовлен и опубликован «Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации» в трех томах (Т. 1: Государственная власть. Федерализм. Местное самоуправление. Т. 2: Защита прав и свобод граждан), явившийся по существу первым в истории отечественного государственного права курсом действующего конституционного права России.

Б.С. Эбзеев убежден сам и своими научными трудами убеждает читателя, что при изучении государства и права, их роли и значения всегда едет иметь в виду, что они есть не цель, но средство к развитию личности и обеспечению ее свободы, в том числе путем установления правовых пределов государственной власти и ограничения самого государства. Именно эта гуманистическая установка, сопрягающаяся с государственным правом, предопределяет подход автора к изучению закономерностей становления, развития, построения и функционирования государства и права в современном мире и содержащиеся в трудах Б.С. Эбзеева оценки их социальной ценности и инструментальной роли. Отсюда – постоянная

ориентация автора на социальную и юридическую практику, что в свою очередь предопределяет востребованность развиваемых Б.С. Эбзеевым идей жизнью.

За выдающийся вклад в развитие отечественной юридической науки Б.С. Эбзееву в 2000 г. Указом Президента РФ присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 2004 году ему присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Осень 2007 года оказалась для Бориса Сафаровича удачной, творчески насыщенной. В издательстве «Норма» вышла его очередная (уверен – не последняя) крупная (свыше 384 страниц) монография «Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности». Из вышеприведенного диалектического названия книги считаю принципиально важным вычленив всего одно понятие – «ответственность». Это качество личности Б.С. Эбзеева, на мой взгляд, с детства и по сей день является доминирующим в его отношении к жизни во всех ее проявлениях.

6 ноября 2007 г. в Саратовской государственной академии права состоялось заседание ученого совета, где Б.С. Эбзееву вручили диплом и мантию почетного профессора академии. Поздравляем Бориса Сафаровича Эбзеева с очередной высокозначимой наградой – она наверняка является одной из самых дорогих, ибо аккумулирует в себе творческие достижения как юности, так и зрелого возраста.

Завершая представление Бориса Сафаровича Эбзеева в качестве члена редакционной коллегии журнала «Юридическая техника», я хочу воспроизвести два любопытных, кажется, ироничных суждения Станислава Ежилца – вполне может статься, что автор считал их афоризмами, сентенциями, учеными софизмами, крылатыми выражениями. Вот они: «Конституция государства не должна вредить конституции его граждан» и «Кое-кто готов принять тюремный устав за проект конституции»².

Вся многолетняя деятельность юриста от Бога Б.С. Эбзеева в науке, преподавании, конституционном правосудии нацелена на то, чтобы вышеприведенные и подобные им «отрицательные пласты» не имели отношения, были неприменимы к российской правовой действительности.

Итак, в 2005 г. в Москве в издательстве «Юридическая литература» вышла монография Б.С. Эбзеева «Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации». Опубликованная книга посвящена целой серии основополагающих проблем российского конституционализма и является обобщением и развитием авторских размышлений в течение ряда лет, может быть, даже всей жизни.

Особенность этой книги в том, что рассматриваемые в ней проблемы находятся на стыке многих гуманитарных наук (теории государства и права, конституционного права, философии, политологии, конфликтологии, антропологии, этики, социологии, культурологии, психологии, филологии), что обуславливает возникновение вполне объяснимого интереса к ней широкого круга специалистов и особенно политиков, в том числе и действующих.

Книга профессора Б.С. Эбзеева представляет собой удачную попытку философского осмысления стремительно меняющейся правовой картины мира и вносит существенный положительный вклад в формирование новейшей гуманистической парадигмы конституционного мышления.

Отечественная политике-правовая мысль находится в состоянии напряженного поиска. Такая ситуация соответствует глубоким изменениям, которые переживают формы организации и функционирования современного государства, общества, законодательства. Вечные, казалось бы, теории рушатся, поскольку перестают соответствовать действительности, а новые, адекватные современным социальным и политическим ориентирам, находятся в стадии становления.

Б.С. Эбзеев подчеркивает: государственно правовое

строительство России пережило трудный и драматичный этап конституционной реформы, явившейся результатом глубоких, формационных преобразований, охвативших все сферы жизни общества. В таких условиях факт принятия новой отечественной Конституции – знамение того, что, несмотря на противоборство различных политических сил, в начале 90-х годов прошлого столетия обществу удалось прийти к согласию относительно логики конституционного строительства Российской Федерации.

Конституция провозгласила Российскую Федерацию не только правовым, но и социальным государством, несущим обязанности по отношению к личности, объединениям граждан, обществу в целом. Основой ее конституционного строя являются великие гуманистические идеи, исходящие из незыблемости и неотчуждаемости прав и свобод человека и гражданина, включая как гражданские и политические, так и экономические, социальные и культурные.

Впервые в истории развития отечественной правовой системы Конституция из способа закрепления строя абсолютного государства с неограниченной властью стала законом, закрепляющим строй социального правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина.

В обращении к читателям автор отмечает, что в этой книге не найдется исчерпывающей полно ты изложения, невозможной в силу особенностей самого издания. В ней изложены основные тенденции развития науки конституционного права, отражены существенные выводы этой науки, имеющие универсальное значение для всей юриспруденции и потому востребуемые всеми отраслевыми юридическими науками, различными видами правоприменительной практики.

Заслуживает одобрения в силу логической стройности структура книги, которая состоит из семи разделов, включающих двадцать глав.

В разделе I («Индивидуальное и коллективное в организации социума: методология и генезис доктрины и конституционной практики») исследуются проблемы индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции; прав и обязанностей человека и гражданина в истории правовой мысли. Делается краткий исторический очерк развития концепции прав и обязанностей, а также советской доктрины прав человека.

Права человека не сводимы к неограниченной свободе. В юридическом плане это наиболее разумный баланс между личной свободой и общей ственной необходимостью. Вот почему особый интерес представляют соображения автора относительно неразрывности прав и обязанностей.

Действительно, проблема взаимозависимости прав и обязанностей была свойственна динамике развития политической и правовой мысли как на Западе, так и в России.

Известный политический деятель России М.М. Сперанский утверждал, что свобода подлежит четырем главным ограничениям, или обязанностям: 1) обязанность к добру; 2) обязанность к праву; 3) обязанность к изящному; 4) обязанность к истине.

В знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. утверждалось: «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами».

Примечательно то, что 4 августа 1789 г. на заседании Учредительного собрания предлагалось провозгласить Декларацию обязанностей или при соединить этот документ к Декларации прав, а 22 августа 1795 г. французская Декларация обязанностей человека и гражданина все-таки была принята.

Автор справедливо обращает внимание на закономерность включения в текст Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

положения, согласно которому «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

По мнению Б.С. Эбзеева, сочетание и взаимодействие личного и общественного имеет фунда ментальное значение для понимания всего комплекса социальных проблем. Вопрос о механизмах их взаимодействия в течение всей истории человеческой цивилизации неизменно привлекал ав торов всех когда-либо существовавших социальных доктрин и по-разному решался в различные исторические эпохи.

Автор также считает, что эта проблема имеет особенно важное значение для России, которая в результате глубоких формационных преобразований, охвативших все сферы социальной действительности, вступает в новое качественное состояние (с. 11).

По убеждению Б.С. Эбзеева, основная проблема учения о государстве и праве, требующая решения на каждом этапе цивилизованного процесса, заключается в том, чтобы найти такую государственно-правовую организацию общества, которая существование стабильного государства и прочного правопорядка как необходимое условие поступательного развития общества могла бы соединить со свободой личности.

В качестве исходной посылки решения этой проблемы автор признает то, что в социальной сфере существуют и действуют два элемента – индивид и различные ассоциации людей, общественные объединения, государство и общество в целом. Само общество обладает лично-собирабельным характером. Это неизбежно накладывает отпечаток на социальные доктрины, которые, как правило, отдают предпочтение одному из элементов организации и жизнедеятельности социума – индивидуальному или коллективному (с. 13).

Бесспорно утверждение автора, что для общества одинаково опасна гипертрофия как коллективного, так и индивидуального

начала. Всякое преувеличение коллективного начала ведет к тоталитарным формам организации общества и от казу от индивидуальности, подавлению инакомыслия, игнорированию, а нередко и прямому отрицанию прав и интересов меньшинства, основных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, всякая гиперболизация роли индивидуального начала в организации общественной жизни инициирует анархическое своеволие, чреватое разрушением государственности и принятых в обществе норм человеческого общежития. Именно согласование и сбалансированная интеграция этих начал в систему собственности, социальных, политических и юридических учреждений и институтов, этику – гарантия нормального функционирования всего общественного организма, его саморегуляции и саморазвития (с. 18).

Исходя из этой методологической предпосылки, автор определяет, что закон равновесия индивидуального и коллективного как условие эволюционного (а не революционного) развития общества носит универсальный характер. Восприятие

его Конституцией, адекватное правовое отражение такого равновесия в современном конституционализме, содержание которого сводится к власти, суверенитету, свободе личности, в том числе охватывающих организацию федеративных отношений и конституционное регулирование собственности, – неременное условие прочности конституционного строя и стабильности самой Конституции (с. 19).

Освещаются права и обязанности человека и гражданина в истории правовой мысли и практике конституционного регулирования как юридическая объективизация взаимодействия индивидуального и коллективного (с. 26–43).

Б.С. Эбзеев справедливо подчеркивает, что права человека как общественное явление и их философское, политическое и юридическое обоснование сложились и развивались в рамках естественно-правовой доктрины, отдельные элементы которой возникли гораздо ранее (Аристотель, стоики, Фома Аквинский).

В новых исторических условиях первичным естественным состоянием человека была объявлена его независимость, которая, как полагали сторонники естественно-правовой доктрины, только в части была ограничена вступлением в общественный договор и образованием государства (с. 27–28).

Правомерно утверждение автора о том, что права человека явились ответом на потребности социально-экономического и политического прогресса. Они могли сложиться и сложились в качестве социального, а затем и юридического института лишь на рубеже эпох, в результате борьбы между не сумевшим ответить на вызов своего времени феодализмом и приходящим ему на смену новым общественным строем (с. 29).

Краткий исторический экскурс в прошлое конституционных идей и конституционной практики позволил автору констатировать, что правам человека посвящена обширная литература. Что же касается обязанностей человека и гражданина – даже постановка такого вопроса представляется нонсенсом, зачастую объявляется неуместной, поскольку не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в конституциях и законодательных актах прошлого) оснований (с. 37).

Заслуживает внимания обращение автора к гносеологическим и конституционным истокам обязанностей человека и гражданина, имеющее, по мнению Б.С. Эбзеева, существенное теоретико-познавательное и практическое значение. Эта проблема, в отличие от идеи прав человека, нашла отражение в трудах Гуго Гроция, признаваемого одним из основателей доктрины естественного права. Таким образом, уже Гроций формировал принципиальные установки об обязанностях человека и гражданина, которые получили развитие и обоснование в трудах последующих представителей естественно-правовой доктрины. При этом менялись характер аргументов, виды самих обязанностей человека и гражданина, но общая идея о присущих человеку и гражданину обязанностях оставалась неизменной (с. 38).

Б.С. Эбзеев отмечает, что конституционная практика большинства стран с развитыми демократическими традициями отдает предпочтение косвенной форме закрепления обязанностей граждан; что же касается прав, они составляют неременную часть их конституции.

Сказанное, по мнению автора, не означает, что обязанности человека и гражданина следует расценивать как нечто противоречащее демократическим началам организации общества и деятельности государства. Напротив, они вытекают из факта общественного бытия и в единстве с правами образуют ныне универсальный принцип демократической организации общественной жизни (с. 43).

Осмыслению исторического опыта государственно-правового развития посвящена глава третья раздела I «Советское государство и права человека: краткий исторический очерк».

Права человека на современном этапе цивилизованного процесса являются выражением целей, ценностей и интересов, присущих не отдельным социальным слоям или классам, а всему обществу, имеют общечеловеческое значение. Автор справедливо замечает, что в советской государственно-правовой теории до недавнего прошлого акцент делался не на ценностях, присущих всему обществу, а на пролетарско-классовом подходе к объяснению сущности прав личности. Более того, сам термин «права человека» вошел в научный оборот в 60-е г., а первое его использование в законодательстве, к тому же в контексте международных отношений, связано с принятием Конституции СССР 1977 г. и конституций союзных республик 1978 г. (с. 78).

В дальнейшем в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., предпринята прямая позитивная разработка проблемы прав и свобод человека. Именно человек во всем многообразии своих потребностей и интересов должен занимать доминирующее место в системе ценностных ориентиров общества.

В разделе II («Демократический конституционный строй и сущность Конституции Российской Федерации 1993 года») исследованы проблемы исторической обусловленности Основного закона Российского государства, аспекты действия Конституции и формы реализации конституционных норм.

С позиции современного опыта Б.С. Эбзеев утверждает, что для адекватной оценки сущности конституции необходим учет ее проявлений как внутри страны, так и в сфере международных отношений. В конституции отражаются не только ее связи с социальной структурой общества или характером и организацией власти и управления делами общества и государства, но и занимаемое государством в международном сообществе место и содержание его отношений с другими участниками международного общения (с. 99).

Нельзя не согласиться с тем, что современный этап конституционного строительства требует переосмысления пределов конституционного регулирования. Прежде всего, по мнению автора, в задачу конституции не входит нормативное определение детальных перспектив общественного развития. Общество пришло к осознанию того, что речь не должна идти о том, чтобы выдумать заманчивый образ будущего и потом навязывать его жизни.

Но речь можно и нужно вести о том, что конституция, будучи результатом субъективной деятельности людей, должна быть объективной по содержанию. Общество нуждается в том, чтобы в конституции с учетом как ее относительной стабильности, так и стимулирующего воздействия на прогрессивные общественные отношения были закреплены основные закономерности не только политического, но и экономического, социального и культурного развития общества и взаимодействия его структур. Современная конституция не есть лишь способ или форма регламентации отношений между личностью и государством, определения их взаимных прав и обязанностей, это продуманная модель организации всех сфер жизни социума, степень детализации которой в каждой из них различна – от детального определения организации государственной власти до провозглашения лишь

общих принципов, на которых основывается экономическое развитие или культура (с. 108).

Далее Б.С. Эбзеев обоснованно подчеркивает, что «сущность конституции» – многоплановая категория, имеющая различные аспекты и состоящая из ряда «модулей». Выступая универсальной объективной характеристикой конституции, она не остается неизменной, а напротив, претерпевает значительные изменения, обусловленные развитием социальной и интернациональной структуры общества и его местом в международном сообществе, и поэтому для правильной оценки содержания этой категории в современных условиях необходим учет как национальных, так и общецивилизационных ценностей и интересов. На новом этапе конституционного строительства Конституция должна выражать и закреплять не интересы какого-либо класса, социального слоя, группы или политической партии, а сочетание и сбалансированное взаимодействие экономических, политических, социальных и культурных интересов, целей и ценностей всех классов и социальных слоев, наций и народностей страны, граждан и государства, а также сочетание и сбалансированное взаимодействие внешнеполитических интересов и целей Российской Федерации с целями и интересами других участников международного общения с учетом общих для всего международного сообщества принципов и норм межгосударственных отношений (с. 117).

В книге профессора Б.С. Эбзеева заинтересованный читатель найдет оригинальные ответы на труднейшие и политически острые вопросы о действии Конституции РФ и формах реализации ее норм (с. 117–170).

Значительное внимание автором уделено разграничению непосредственного и опосредованного действия Конституции РФ. В основе такого разграничения – различные уровни регулирования конституционных правоотношений, субъектами которых выступают государства, государственные и общественные органы и организации, органы местного самоуправления, должностные лица или граждане. И если на более высоком уровне конституционного

регулируемости достаточно, как правило, конституционных норм, то на другом уровне – в конституционных правоотношениях с участием граждан – часто необходима большая степень формальной определенности при установлении их прав и обязанностей, что обеспечивается посредством норм административного, гражданского, трудового, уголовного и других отраслей права Российской Федерации. В этом последнем случае конституционные нормы, конкретизируясь в нормах соответствующих отраслей права, действуют опосредованно (с. 127).

В разделе III («Личность в конституционном строе Российской Федерации») исследованы конституционные основы свободы личности в Российской Федерации, проблемы эффективности конституционного регулирования прав и свобод, конституционные аспекты правового статуса отдельных групп населения (граждане, иностранцы, апатриды, беженцы), определено место Конституции РФ в механизме правового регулирования прав и свобод человека и гражданина.

Среди новых и наиболее интересных соображений автора хотелось бы выделить предложенные им критерии эффективности норм Конституции, регламентирующих права и обязанности.

Заметив, что социальная эффективность и ценность конституционных норм о правах и обязанностях определяются их способностью обеспечить установление и развитие реальных возможностей для проявления творческих сил, способностей и дарований личности, ее свободы и всестороннего развития, Б.С. Эбзеев выделяет пять критериев «собственно юридической эффективности», то есть способности норм конституции конституционными и иными правовыми средствами, установленными на базе Основного закона, обеспечивать следующее.

Во-первых, правомерное осуществление гражданами конституционных прав и свобод. Конституция требует соблюдения их целевого назначения, а также установленных в законодательстве пределов. Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и

государства, правам других граждан.

Во-вторых, добросовестное исполнение гражданами конституционных обязанностей. Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей. Эта посылка призвана юридически утверждать единство и равенство прав и обязанностей граждан. Она по

лучила международное признание и стала обще демократическим требованием.

В-третьих, создание материальных и нематериальных благ, которые распределяются в индивидуальное пользование при помощи субъективных прав, и их охрана. Конституционные и иные права (различные по форме закрепления, сферам проявления, характеру правомочий, способам обеспечения и т. д.) обладают одним не переменным качеством: они предоставляют субъекту возможность пользоваться определенным социальным благом, служат распределению в индивидуальное пользование накопленных в обществе социальных благ.

Несомненно, однако, что распределяться может лишь то, что уже имеется в наличии, накоплено и постоянно возобновляется обществом. В связи с этим очевидно, что конституционные права и обязанности не только выполняют распределительную функцию, они служат также накоплению распределяемых в последующем социальных благ и их охране. Прежде чем что-то распределить в индивидуальное пользование, это нечто необходимо создать.

В-четвертых, справедливое распределение в пользование членов общества накопленных социальных благ. Именно справедливость является средством обеспечения социальной ценности постановлений конституции, как и права в целом.

Автор подчеркивает (и это перекликается с суждением М.М. Сперанского): «Неодоухотворенное справедливостью право теряет нравственное основание, оказывается дисгармоничным, несбалансированным, не может быть действенным распределителем жизненных благ и выражать интересы индивидов, социальных

групп, всего общества».

В-пятых, создание необходимых условий для беспрепятственного осуществления гражданами принадлежащих им прав и обязанностей, беспрепятственного пользования находящейся в их распоряжении долей социальных благ. Речь, по существу идет в данном случае о соблюдении законности, которая нередко рассматривается с учетом ее значения и роли как масштаб эффективности правовых норм.

Благоприятный режим для осуществления гражданами основных прав и обязанностей и пользования социальными благами обеспечивается конституцией закреплением взаимной ответственности государства и граждан и возложением обязанностей как на государственные и общественные органы и их должностных лиц, так и на индивидов.

Личность должна обладать достаточными юридическими средствами для противостояния незаконному вторжению государства и его агентов в сферу ее автономии, признаваемой и закрепляемой конституцией. Одновременно право должно предусмотреть надежный инструментарий для защиты государственной безопасности и общественного порядка, здоровья и нравственности населения, общества и личности от произвола и анархического своеволия граждан и их объединений, чреватого разрушением всяких основ человеческого общежития.

Я разделяю позицию Б.С. Эбзеева относительно того, что в юриспруденции представляется не верным в теоретическом отношении и крайне опасным с точки зрения правового регулирования статуса человека какое бы то ни было сужение объема понятия личности. Личность – не звание, присваиваемое некоторым людям, а сущность каждого человека. Право учитывает именно реальный для каждой данной исторической эпохи тип личности, которая может обладать как положительными, так и отрицательными свойствами и качествами и развивается в рамках данной общественной системы и правовых отношений в качестве носителя прав и обязанностей (с. 173).

В самой общей форме конституционное регулирование свободы личности граждан есть часть механизма решения основных социальных задач и целей, стоящих перед обществом. Оно выполняет роль социально-нормативного стабилизатора сложившегося порядка общественных отношений, прежде всего конституционного строя, основой которого является демократия, и определенного гаранта их развития в рамках и границах, вне которых правовое регулирование вообще не должно и не может развиваться без риска искажения или дестабилизации социальной природы этих отношений.

В рецензируемой книге автор останавливается на вопросе, который, на мой взгляд, представляет особый интерес для читателя. Речь идет о позитивной и негативной ответственности.

Позитивная и негативная ответственность – разные аспекты одного и того же явления, которое обозначается термином «ответственность». Недооценка любого из них, по мнению Б.С. Эбзеева, ведет к обеднению явления в целом. До тех пор, пока существуют правонарушения, негативная ответственность сохраняет значение как средство принудительного обеспечения баланса интересов ущербной в своем поведении личности и интересов коллектива, общества, государства, других лиц.

Личность в демократическом обществе свободно и самостоятельно определяет варианты своего поведения, а именно эта возможность лежит в основе ответственности, негативной, ретроспективной или позитивной, что находит юридическое выражение и закрепление в Конституции и отраслевом законодательстве. Конституция широко оперирует терминами «ответственность» (преамбула, ч. 2 и 3 ст. 41, п. 9 раздела второго), анализ которых не оставляет места для двойного толкования: действующий Основной закон закрепляет как негативную, так и позитивную ответственность. Они тесно связаны между собой, находятся в диалектическом единстве. Будучи убежденным противником позитивной юридической ответственности, должен признать, что многие суждения Б.С. Эбзеева по этому вопросу отличаются точной аргументацией.

И совсем другое дело, достаточны ли его доводы для того, чтобы рассматривать конструкцию «позитивная юридическая ответственность» в качестве реально существующего правового феномена.

Б.С. Эбзеев высказывает мнение, что проблема повышения эффективности имеет существенное значение для юриспруденции и практики реализации правовых норм, в том числе конституционных. Чем эффективнее осуществление постановлений Основного закона, тем полнее в общественной практике воплощается его творческий потенциал. Однако, отмечает автор, в науке государственного права уделяется недостаточно внимания праксеологическим свойствам конституционного регулирования общественных отношений, проблеме действия конституции в связи с ее эффективностью, а также полезностью и экономичностью (с. 236).

Аргументируя свои позиции, автор подчеркивает, что эффективность конституционных норм – не способность оказывать воздействие на общественные отношения, а результаты такого воздействия. Такое понимание может служить исходной базой в процессе изучения эффективности норм Основного закона. Это тем более оправданно, что эффективность конституционного регулирования, действия конституционных норм не может и не должна рассматриваться изолированно от эффективности правового регулирования нормами различных отраслей права. Эффективность конституционного регулирования – часть эффективности правового регулирования общественных отношений вообще (с. 240).

По мнению Б.С. Эбзеева, ученые юристы стремятся дать исчерпывающую характеристику эффективности правовых норм безотносительно к их качественному своеобразие и без учета специфики правового регулирования нормами различных отраслей права и даже отдельными законодательными актами.

Не вступая в дискуссию по общетеоретическим проблемам, автор замечает, что подобно разграничению эффективности конституции, ее институтов и норм необходимо различать критерии

эффективности Основного закона в целом, конституционных институтов и конституционных норм. Разумеется, различие между ними не абсолютно, эти критерии соотносятся как общее, особенное и единичное (с. 251–252).

Заслуживает поддержки позиция автора в том, что эффективность конституционных норм о правах и свободах, а также об обязанностях граждан в значительной мере зависит от наличия развитой системы процессуальных форм их реализации, ибо именно в этих формах протекает превращение идеальной модели эффективности конституции в реальность общественного бытия. Они являются тем средством, которое определяет процедуру проявления заложенных в конституции потенций, ее творческой роли, всего богатства ее юридического содержания. Не случайно, замечает Б.С. Эбзеев, в действующей Конституции РФ содержится более 100 отсылок к федеральному законодательству и законодательству субъектов федерации или прямо предусматривается принятие ряда федеральных конституционных законов, по существу продолжающих и развивающих Конституцию, а также иных федеральных законов, либо на законодателя возлагается обязанность нормировать соответствующие отношения и предусматриваются основные параметры такого нормирования (с. 262–263).

В разделе IV («Народ в конституционном строе Российской Федерации») исследуются принцип народного суверенитета по Конституции РФ, суверенные права народа, конституционные обязанности государства в механизме правового обеспечения суверенитета народа и прав человека, соотносятся явления суверенитета и прав человека.

Нельзя не поддержать положение автора, согласно которому вопрос о суверенитете народа возникает тогда, когда общество начинает сознавать необходимость ограничения абсолютной власти государства.

Интересен основной тезис, сформулированный Б.С. Эбзеевым: «Народный суверенитет опосредует отношения между народом и государством, и в государственно-организованном обществе

определяются конкретные правовые формы и механизм его осуществления: непосредственная демократия и (или) народное представительство, ответственность депутатов перед народом (или напротив, отсутствие такой ответственности), их подконтрольность ему или отказ от института отзыва, различные формы прямого волеизъявления масс, гражданство, права и обязанности личности и т. д. Это – юридические формы его реализации, те рамки, в которых и посредством которых протекает осуществление народного суверенитета» (с. 344).

Да, главное – в принадлежности народу учредительной власти, под которой обычно понимают его высшую власть установить для себя конституцию и по мере надобности изменять ее. Отсюда следует, что эта власть не может осуществляться представителями. Если тем не менее последнее имеет место, они являются лишь поверенными народа, акты их должны быть утверждены самим народом.

Конституция РФ установила ряд принципиальных начал осуществления народом принадлежащей ему учредительной власти: учредительная власть, принадлежащая многонациональному народу Российской Федерации, не совпадает с учрежденными Конституцией законодательной, исполнительной и судебной властью; учредительная власть народа не ограничена конституционными рамками; Конституция и на ее основании иные законы могут определять лишь условия и порядок осуществления учредительной власти; учредительная власть может осуществляться не только самим народом, но и его чрезвычайными представителями – Конституционным Собранием; эти представители, выступая от имени народа, не связаны каким-либо поручением; при этом представители народа, осуществляющие учредительную власть – Конституционное Собрание, должны только учредить Конституцию, то есть разработать проект новой Конституции РФ, который принимается Конституционным собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование, либо они подтверждают неизменность действующей Конституции РФ, но не могут заниматься той

деятельностью, которая поручена законодательной, исполнительной и судебной власти; законодательная власть вправе осуществлять учредительную власть лишь в строго ограниченных пределах, в частности, поправки к главам 3–8 Конституции РФ принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов федерации; Конституция особо определяет условия внесения изменений в статью 65 Конституции РФ, определяющую состав Российской Федерации, а также включение в статью 65 Конституции нового наименования субъекта федерации.

По-иному характеризуются суверенные права народа, присущие международному аспекту его суверенитета. Они служат обеспечению возможности народа самостоятельно и независимо, без вмешательства извне определять формы своего экономического, политического и духовного бытия. Подобно тому, как внешняя политика – продолжение внутренней, эти суверенные права народа обусловлены правами, характерными для внутреннего аспекта народного суверенитета. Реализуя эти права, народ формулирует и закрепляет в конституции основные цели внешней политики государства, формирует систему органов внешних сношений, которая возглавляется высшими органами государственной власти, определяет формы их деятельности и средства достижения поставленных целей. Народу принадлежат право на мир и проживание в условиях мирного сосуществования, на невмешательство в свои внутренние дела, право на неприкосновенность своей территории, на международное общение и др.

При этом именно суверенные права народа представляют собой социально-политическую и конституционную основу прав государства как представителя народа и суверенного участника международных отношений, но сами международным правом не регламентируются (с. 347–348).

Можно только приветствовать стремление Б.С. Эбзеева

максимально использовать имеющийся в науке конституционного права арсенал для углубления и расширения знаний о нормативной природе конституции.

Показательными в этом ракурсе являются суждения автора о практической регулятивной ценности преамбулы Конституции.

Автор подчеркивает: «Суд многократно аргументировал свои решения положениями преамбулы Конституции...» (с. 358).

Далеко не все правоведы оценивают преамбулу в таком ключе. Чаще всего мы вынуждены наблюдать «фигуру умолчания» по этому далеко не второстепенному и отнюдь не частному вопросу. Так, в глубокой, содержательной и отличающейся яркой практической направленностью новейшей монографии Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина³, есть в главе 4 параграф 2 «Структура конституции», но о природе и регулятивных возможностях преамбулы Конституции нет ни слова.

Разделяя мнение Б.С. Эбзеева о статусе преамбулы Конституции, считаю необходимым отметить: налицо тот случай, когда поставленная в «отраслевой» юридической науке проблема вполне может подняться до общетеоретического уровня. Речь идет о том, что в современной правовой литературе до сих пор нет ни одного монографического исследования по, на мой взгляд, архиактуальной теме – «Преамбула юридического акта». Надо иметь в виду, что преамбула юридического акта (и нормативноправового, и интерпретационного, и правоприменительного) не только и не столько прием юридической техники. По всей видимости, здесь можно вести речь об особом регулятивном комплексе, обладающем своеобразными функциональными возможностями, мощным политикоюридическим, моральнопсихологическим и идейновоспитательным зарядом. Остается сожалеть, что преамбула юридического акта – лишь доктринальное понятие (назрела потребность его законодательного определения) и отсутствует анализ того «пласта» юридической практики, где положения преамбулы положены в основу принятия того или иного государственного

решения. Не приходится сомневаться в том, что будущему исследователю преамбул юридических документов не обойтись без методологически ценных и практически плодотворных идей профессора Б.С. Эбзеева.

Остается сожалеть, что автор в силу иной направленности своей работы не счел нужным более подробно рассмотреть некоторые насущные проблемы функционирования преамбулы Конституции.

Например, в преамбуле Конституции РФ, по мнению специалистов⁴, обозначены сразу два особых субъекта конституционно-правовых отношений – «будущие поколения» и «международное сообщество». Теория государства и права, думается, испытает немалые трудности при размещении этих феноменов в сложившейся классификации субъектов права.

В разделе V («Государство в конституционном строе Российской Федерации») освещены конституционные основы государственности в Российской Федерации.

Основные положения, отстаиваемые автором: Российская Федерация – демократическое государство; Российская Федерация – федеративное государство; Российская Федерация – правовое государство; Российская Федерация – социальное государство; Российская Федерация – светское государство; Российская Федерация – государство с республиканской формой правления.

Пожалуй, важнейшее значение в структуре рецензируемой книги имеют ее заключительные разделы.

В разделе VI («Российский федерализм и государственная целостность») автор задается вопросами методологического характера: представляет ли государство целостное образование, основанное на конституционном типе отношений, либо его единство и целостность основаны на договоре? Что гарантирует целостность государства: части или целое «само по себе»? Можно ли говорить и в какой мере о территориальной целостности, если это сложносоставное государство, в составе которого отдельные части берут на себя функции системы в целом и пытаются

конституировать себя независимо от целого, находясь в то же время в составе целого? Как соотносится понятие «целостность» с понятием «суверенитет»? Что означает принцип территориальной целостности – неотторжимость территории или принцип юридической «непроницаемости» границы государства? В какой мере и каким образом действуют сложившиеся типы целостности государства в федеративном государстве или рассредоточение власти ослабляет ее территориальное верховенство? Соответствует ли международной практике право частей государства вступать в международноправовые отношения от имени и в качестве целого? Каковы гарантии территориальной целостности государства и его частей? Каково место главы государства, иных органов публичной власти в условиях разделения властей в обеспечении единства и целостности государства?

В принципе, отвечая на эти вопросы, автор обосновывает тезис, что конституция «умнее» своих создателей, и функции ее обеспечивают государственную целостность. Она становится реальностью, «живет и действует» самостоятельно, и под конституцию, как это и должно быть, постепенно подстраиваются те, кто должен и обязан наполнить ее конкретным содержанием в виде федеральных конституционных и федеральных законов. Уже Конституция, а не только законодатели, выступает инициатором, двигателем и гарантом единого правового пространства на всей территории Российской Федерации (с. 419–420).

В свою очередь целостность Российской Федерации обеспечивается закрепленными на конституционном уровне принципами. Такого рода принципы имеют универсальное значение и в концентрированном виде содержат права и обязанности всех участников федеративных правоотношений.

В Конституции, по мнению Б.С. Эбзеева, закреплены следующие принципы государственно-территориального устройства (целостности) России.

Принцип единства и целостности государства, который отражен

единстве территориального, а также политического, экономического и правового пространства России. Российский федерализм не означает аморфности государственных связей ее составных частей. Российская Федерация представляет собой единое в государственно-правовом и международно-правовом отношениях государство, суверенитет которого распространяется на всю ее территорию. Данный принцип выражается также в положениях федеральной конституции о верховенстве Конституции РФ и федеральных законов на всей ее территории и их прямом действии, об обеспечении государством территориальной целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации. В Российской Федерации обеспечивается единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8 Конституции).

Единство и целостность Российской Федерации обеспечиваются единством системы государственной власти в Российской Федерации, а также единством органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов в пределах их совместного ведения, единой системой судебной власти, прокуратуры и др. Важное значение для обеспечения единства и целостности Российского государства имеет единство гражданства и конституционного статуса граждан Российской Федерации, из чего следует, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ (ст. 6).

Принцип федерализма. Согласно Конституции РФ Российская Федерация представляет собой демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления (ч. 1 ст. 1). Это означает, что федерализм представляет собой не только элемент формы государства, но и имеет важное значение для выявления сущности и характера государственной власти, институтов государственности и правовой системы. При этом в Российской Федерации взаимодействуют два уровня федеративной системы и в ее рамках публичной власти –

федерация в целом, представляемая федеральными органами государственной власти (Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ и др.), и субъекты федерации, представляемые органами государственной власти этих субъектов, обладающими в пределах своего ведения всей полнотой государственной власти.

Принцип суверенности Российской Федерации, выступающей в государственно-правовых международно-правовых отношениях в качестве единственного носителя верховной власти. Суверенитет Российской Федерации основывается на суверенитете ее многонационального народа, воля которого является источником всякой публичной власти (государства, местного самоуправления).

Суверенитет Российской Федерации, как отмечалось, характеризуется ее верховенством на своей территории и независимостью во внешних сношениях. Это, однако, не препятствует добровольному принятию государством на себя обязательств, вытекающих из членства в межгосударственных организациях или из международных договоров Российской Федерации, поскольку это допускается Конституцией или не противоречит ей.

Принцип единого и равного для Российской Федерации всех ее субъектов стандарта прав и свобод человека и гражданина. При этом согласно статье 71 Конституции РФ регулирование и защита прав человека находятся в ведении РФ, а защита прав человека статьей 72 Конституции отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Согласно статье 6 Конституции РФ каждый гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ. Отсюда следует, что субъекты федерации не вправе сужать конституционный статус личности, установленный Основным законом РФ. А согласно статье 19 федеральной Конституции государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, включая место жительства, национальность,

вероисповедание и т. д.

Принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов федерации. Конституция РФ, Федеративный договор и иные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий различают: 1) предметы ведения и полномочия Российской Федерации; 2) предметы совместного ведения и полномочия Российской Федерации и ее субъектов; 3) предметы ведения и полномочия субъектов федерации. При этом Конституция определяет предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. За их пределами субъекты федерации обладают всей полнотой государственной власти и осуществляют ее самостоятельно. Природе федерализма, однако, не противоречит и наделение субъектов полномочиями в сфере ведения Российской Федерации.

Принцип лояльности федерации по отношению к своим субъектами субъектов федерации по отношению к федерации, или принцип дружественных отношений между ними. Правовое содержание данного принципа заключается в соблюдении параметров закрепленных за федерацией и субъектами федерации полномочий, особенно в сфере конкурирующей компетенции, невмешательстве ими в пределы ведения и полномочия друг друга, поскольку это не допускается федеральным законом.

В разделе VII («Конституционное правосудие в Российской Федерации»), посвященном конституционному правосудию, выводы и оценки делаются на основе наиболее общей, методологического плана, гипотезы.

Суть ее в том, что множественность составных элементов, заключенных в обществе, образует основу плюрализма в политике, экономической и духовной сферах общественной жизни. Монистическое видение общества и реализация этого видения в его политической системе изначально несут в себе семена отрицания и будущего разрушения, поскольку требуют наличия

внешнего, по отношению к самому обществу, регулятора, способного работать без ошибок и сбоев.

Такая ситуация, свойственная советскому этапу отечественной политической истории, убеждает: монопартийность составляла несущую конструкцию всей политической системы, всякий сбой в ее функционировании порождал реальную угрозу разрушения данной политической системы и ее центрального элемента – государства и в конечном счете привел к прекращению СССР (с. 497).

Подобного рода соображения обуславливают необходимость эффективно функционирующего конституционного правосудия, – полагает автор. Затем следует блестящий анализ проблем становления, реального состояния и перспектив развития Конституционного Суда РФ.

Несомненно, положительным является достаточно широкий и полный спектр точек зрения по соответствующей проблеме. обстоятельно изложены основные положения наиболее существенных направлений по каждому значимому вопросу. При этом концепции описываются с критических позиций, с экскурсами в сферу научных дискуссий, и тем самым подвигают читателей к самостоятельному творческому поиску.

Положительным качеством книги является отчетливо выраженная авторская позиция. Представитель старинной саратовской школы права, Б.С. Эбзеев, продолжая ее традиции, скрупулезно анализирует имеющийся правовой материал, ссылаясь порой на совсем неизвестных авторов. Тщательность цитирования, честное по отношению к источнику прочтение, богатство подстрочных сносок представляет собой самостоятельную ценность. Эти источники можно рассматривать как список дополнительной литературы. заинтересованный читатель сможет воспользоваться им для углубленного изучения конкретных вопросов.

Вместе с тем, как и любой творческий труд, работа вызывает желание вступить в дискуссию.

Автор оперирует терминами «народный» и «национальный»

суверенитет». При этом не определяет понятия «народ» и «нация». Им употребляется термин «русская нация» (с. 474), что придает этому словосочетанию этнический характер. Между тем в юридической науке по данному вопросу идет научная полемика. Под российской нацией понимают всех россиян независимо от национальности. Как известный ученый, крупный практик, Б.С. Эбзеев мог бы, по моему убеждению, в этом фрагменте работы предложить более смелые, более радикальные тезисы. Вращаясь столько лет в высших сферах политической власти, автор наверняка обладает по этой острейшей проблеме богатой информацией, которая вряд ли доступна вузовским профессорам.

Так, положительно характеризуя содержание преамбулы Конституции, он пишет: «Обратимся, однако, к тексту Конституции России. Начинается она словами: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем Конституцию Российской Федерации”. Тем самым волей народа легитимируется та модель организации власти, суверенитета, свободы и прав человека, которая получила закрепление в Основном Законе».

Но что такое народ?

Анализ международно-правовой доктрины и практики дает основание полагать, что народ – это совокупность физических лиц одной и той же национальности, проживающих на территории своей исторической родины. Смысл понятия «народ» дополнительно проясняется понятием «национальное меньшинство» (тоже совокупность физических лиц одной и той же национальности, но проживающих за пределами своей исторической родины)⁵.

Следовательно, Россия – это государство, которое населяют многочисленные народы (а не народ), действительно объединенные общей исторической судьбой.

Высказанное положение дополнительно подтверждается важнейшими правовыми актами отечественного законодательства. Например, в

Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. говорится, с одной стороны, о народах СССР, а с другой – о народах РСФСР.

Таким же образом понятие «народ» трактуется в постановлении Государственной Думы Федерального собрания РФ от 15 марта 1996 г. № 157-11 ГД «О юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР».

Там подчеркнуто, что «должностные лица РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении Союза ССР, грубо нарушили волю народов России о сохранении Союза ССР, выраженную на референдуме СССР 17 марта 1991 года, а также Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, провозгласившую стремление народов России создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР»⁷.

Вместе с тем обратим внимание на сомнительность утверждения автора, согласно которому: «Народ непосредственно не выступает субъектом современного международного права; таковыми выступают государства, межправительственные международные организации, а также нации (народы), борющиеся за освобождение» (с. 348). На мой взгляд, существует явное противоречие между утверждениями: «народ непосредственно не выступает субъектом современного международного права», с одной стороны, а с другой – таковыми «выступают нации (народы), борющиеся за освобождение».

Надо, кроме всего прочего, иметь в виду, что в современной гуманитарной науке понятие «народ» трактуется не только противоречиво, но и порой на столь высокоабстрактном уровне, что вряд ли предлагаемая степень обобщения имеющихся знаний по этой проблеме может в принципе быть «переведена» на юридический язык.

Глава 3 раздела IV называется «Суверенитет и права человека».

При этом автор упорно избегает использования такого устоявшегося термина, как «суверенитет личности». Желательно подробное пояснение такого «неприятя» категории, которая, на мой взгляд, обладает значительным логико юридическим и аксиологическим потенциалом.

Нельзя согласиться с позицией Б.С. Эбзеева, когда он пишет, что власть народа есть исключительно правовая власть, она может быть реализована только в «установленных конституцией формах. Следовательно, суверенная власть народа не стоит над правом» (с. 348).

С моей точки зрения, народ как единственный источник всей власти в государстве и принимаемых законов не может стоять «под» ними. Он стоит «выше» и в этом смысле в случае грубого нарушения его суверенных прав может эту власть и это право свергнуть. Не случайно во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (кстати, действующей до сих пор как составная часть Конституции Франции) закрепляется право народа на сопротивление угнетению и свержение правительства. Попутно отметим, что проблема гражданской самозащиты до сих пор в современной юридической литературе с надлежащей глубиной не только не разработана, но даже и не поставлена.

Если вспомнить так называемые «бархатные» революции в странах Восточной Европы конца 80-х гг. XX века, то с неизбежностью напрашивается вывод: они были хоть и нелегальными, но вполне легитимными. Недавние же революции в некоторых странах СНГ еще ждут своей политикоюридической и моральной оценки.

Рассуждая о государственном суверенитете (с. 338–365), автор обходит молчанием проблему, связанную с концепцией «ограниченного суверенитета», который якобы имеет место быть у государств – членов Европейского Союза, передавших часть своих полномочий надгосударственным (союзным) структурам. Характеристика «ограниченного суверенитета» может быть применима и к республикам в составе Российской Федерации (ведь в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ они именуются государствами).

На с. 367 автор пишет, что «государство представляет собой такую организацию публичной власти, которая не совпадает с местным самоуправлением». Следует отметить, что это не единственная точка зрения в государственоведении. Немало специалистов полагают, что органы местного самоуправления не юридически, но фактически выступают как часть государственного механизма России.

Принцип разделения властей рассматривается как принцип правового государства. Между тем правильнее было бы его рассматривать как само стоятельный принцип государственности в России (с. 374–386).

При этом он трактуется чрезмерно узко, в его наиболее жестком варианте. Не учитываются, например, особенности разделения властей в одной из старейших демократий в мире – Великобритании. Там нет запрета на совмещение депутатского мандата с должностью в системе исполнительной власти, поскольку члены Британского Правительства одновременно являются и депутатами палаты общин Британского Парламента. Палата лордов – часть и законодательной, и судебной власти. Монарх – часть Парламента.

При анализе принципа разделения властей автор не решает проблему количества ветвей государственной власти в России и месте Президента в этой системе (с. 400–405).

Рассматривая принцип идеологического многообразия, автор не учитывает, что определенная идеология, несмотря на статью 13, все же закрепляется в Конституции. Речь идет о статье 2, в которой утверждается идеология прав человека, индивидуалистическая концепция взамен коллективистской, коммунистической. Между тем согласно части 2 статьи 15 Конституции РФ все обязаны ее соблюдать, в том числе и коммунисты, придерживающиеся другой идеологии. Понятие «идеология» не обязательно является оценочным, хотя в нашей системе ценностей оно чаще всего употреблялось именно в оценочном смысле. Спорить о свободе или несвободе от идеологии

как таковой, пожалуй, бессмысленно. Осмысленнее осознавать необходимость свободы от репрессивной идеологии и исследовать те факторы, которые определяют наш выбор правовых позиций.

Обращаясь к формам государственно-территориального устройства (с. 452–458), Б.С. Эбзеев по непонятным причинам не анализирует конфедеративную форму, а также такой промежуточный способ территориального устройства государства, как «регионалистское» государство (Италия, Испания).

Слабо аргументирована позиция автора относительно существования в числе принципов федеративного устройства России принципа лояльности (с. 466).

Трудно не отнестись скептически к позиции автора, согласно которой Конституционный Суд РФ является и должен являться не только судебным, но и политическим органом, решать политические споры (с. 507, 508), обладать «правом трансформировать Конституцию» (с. 511), что «не следует бояться так называемой политической функции Конституционного Суда» (с. 518).

Говоря о предварительном конституционном контроле, автор указывает в качестве его объекта только не вступившие в силу международные договоры РФ, но забывает о не подписанных Президентом законах РФ, о поправках к Конституции РФ, которые также должны получать заключение в Конституционном Суде РФ (с. 519).

В главе 4 раздела VII не ставится и не решается проблема разграничения компетенции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также федерального Конституционного Суда и конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Я, конечно, был бы неоправданно придирчив и непомерно строг к автору рецензируемой книги, если бы потребовал от него методологического анализа теорий и проблем конституционного строя, находящихся в стадии разработки и еще не получивших достаточного практического подтверждения. Но научный

потенциал профессора Б.С. Эбзеева таков, что он мог бы короткими тезисами «проявить» свое отношение к ним и тем самым облегчить научный поиск.

Книга написана занимательно, остро, хорошо издана. Эти 576 страниц, напечатанные убористым шрифтом, читаются очень легко: трудно быть безразличным или сохранять стоическое спокойствие, когда текст «втягивает», заставляя радоваться внезапно проясненной правовой истине или же оспаривать те или иные положения автора. А это означает, что перед нами книга серьезная, концептуальная.

Нетрудно предсказать судьбу этой книги. Безусловно, она будет полезной и для науки, и для практики. То обстоятельство, что работа написана одним автором, делает ее материал цельным, хорошо организованным, логически и содержательно монолитным. Работа Б.С. Эбзеева – труд высоконаучный, обобщающий и представляющий огромный потенциал и творческую энергию автора. Наука конституционного права получила интересный и полезный комплекс взглядов и подходов к решению многих вопросов в базовой отрасли современного российского права. Книга Б.С. Эбзеева удачно сочетает в себе уровень теоретической абстракции с анализом конкретного правового материала, значительного судейского опыта.

Все вышеизложенное позволяет данной работе занять достойное место среди научной юридической литературы последнего десятилетия. Работа будет востребована многими поколениями правоведов.

Эти строки я писал в 2007 году для первого номера журнала «Юридическая техника». С тех пор научная, преподавательская и политическая биография Б.С. Эбзеева значительно обогатилась. С 2008 по 2011 год он занимал должность Президента Карачаево-Черкесской Республики. Вышли в свет его новые и столь же содержательные книги – «Личность и государство в России: конституционная ответственность и взаимные обязанности» (М.: Норма, 2007; переиздана в 2008 и в 2011 годах); «Введение в

Конституцию России» (М.: Норма, 2013); «Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования» (М.: Проспект, 2014).

С 2011 года Б.С. Эбзеев является членом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и отвечает за такие направления ее деятельности, как обобщение и анализ практики проведения выборов и референдумов в Российской Федерации, подготовка предложений по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства, контроль за реализацией мер по приведению законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», взаимодействие с высшими судебными органами, контроль за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации при подготовке и проведении выборов в органы государственной власти избирательных систем, обобщение избирательного законодательства и практики проведения выборов за пределами территории Российской Федерации.

Борис Сафарович является председателем Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России.

В.М. Баранов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Примечания

1. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М., 2005. – С. 567.
2. Леи, С.Е. Непричесанные мысли / Пер. с польск. – М., 2007. – С. 13, 363.

3 . Хабриева Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М., 2005.

4. См., например: Мазаев В.Д. Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – С. 31–32.
5. См., например: Пунжин С.М. Проблема защиты прав национальных меньшинств в международном праве // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 125; Veiter Th. Commentary on the Concept of National Minorities // Revue des Drois I'Homme. – 1974. – Vol. VII. – P. 1, 2–4; Klark D. Norms and Institutions within the UN System Relevant to Minority Issues // Conference Paper. 5: Conference on Minorities and Indigenous Peoples in the United Nations System: Ethnic Conflict, Politics and Human Rights. – Colombo. 6–10 Nov. – 1988. – P. 29; Simonides J. Collective Rights of Minorities in Europe // The Changing Political Structure of Europe. Aspects of International Law. Dordrecht. – 1991. – P. 123.
6. См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.
7. См.: Российская газета. – 1996. – 20 марта.
8. См., например: Петрова О.А. Народ как социально-философская категория: Автореф. дис... канд. философ, наук. – Краснодар, 2004.